

А. Айер о философском постижении человека

*Е. Г. Руднева (Институт философии Российской академии наук) **

A.J. Ayer about the philosophical interpretation of man

E. G. Roudneva (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

Аннотация: Имя английского философа Алфреда Джулса Айера (1910–1989), видного представителя неопозитивизма, известно в нашей стране. Но если гносеологической проблематике, которая волнует Айера, уделяется известное внимание, то философско-антропологические идеи английского философа мало рассматривались.

Ключевые слова: философия, неопозитивизм, человек, философская антропология, обыденный язык, утилитаризм, детерминизм, гносеология, цель, мотив.

Abstract: The name of the British philosopher Alfred J. Ayer (1910-1989), an outstanding representative of neopositivism, is well known in Russia. But whereas epistemological problems are given due attention, his philosophic-anthropological ideas have been less known.

Key words: philosophy, neopositivism, man, philosophic anthropology, ordinary language, utilitarianism, determinism, epistemology, purpose, motive.

А. Айер с 1946 г. профессор философии и логики Лондонского университета, затем Оксфорда, член Британской академии. Обращение английского неопозитивиста к философско-антропологической теме нуждается в истолковании. Какая связь между анализом обыденного языка и феноменом человека?

Первая же книга Айера «Язык, истина и логика», которая вышла в 1936 г., принесла ему немалую известность. В ней он выступил с защитой основных позитивистских идей Венского кружка. Сущность неопозитивизма Айера состоит в попытке ограничить философию логическими исследованиями языка науки. Английский философ сводит знание об объективном мире к знанию о «чувственных данных» познающего субъекта. Материальные вещи для него лишь логические конструкции чувственных данных. Испытав огромное влияние «Трактата» Л. Витгенштейна и всего Венского кружка, Айер отвергает метафизические утверждения, прежде всего, как бессмысленные. Возвращаясь к Юму, Айер и его последователи разделили все высказывания, признанные в буквальном смысле слова как обладающие смыслом, на два класса: те, которые выражают априорные положения, и те, которые доступны эмпирической проверке, т.е. такие,

* Руднева Елена Георгиевна – научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Тел. (495) 697-96-96. Эл. адрес: roudneva@yandex.ru.

которые можно подтвердить или опровергнуть с помощью какого-либо опыта.

Витгенштейн в разработанной им философии сознания различал использование глаголов в первом лице от всех иных употреблений. По мнению Айера, он отчетливо видел те заблуждения, которые возникают, когда различие между первым и третьим лицом не принимается в расчёт. Приписывая себе то или иное психическое состояние, субъект отнюдь не ставит истинность или ложность своего утверждения в зависимость от наблюдения. С помощью высказываний от первого лица выражается непосредственное знакомство с содержанием. Но это знание не присутствует, если речь идет об утверждениях, фиксирующих мысли, верования, намерения или ощущения других людей. Данная позиция Витгенштейна, по мнению Айера, предполагает привилегированный доступ личности к своим мыслям и ощущениям и в этом плане, безусловно, отличается от позиции, занятой им в аргументе против «индивидуального языка».

Не сумев преодолеть трудности и противоречия, к которым вело учение логических позитивистов, Айер обращается к общеполитическим вопросам. Его привлекают такие проблемы, как природа знания, сущность объекта познания. Вместе с тем, гносеология дополняется вхождением в собственно антропологическую сферу – изучением ощущений, памяти, причинности, этических проблем.

Работа Айера «Человек как предмет научного исследования» (Ayer, 1964), опубликованная в 1964 г., не утратила своего значения и поныне. Философ пытается ответить на вопрос, почему общественные науки не могут достичь такой степени строгости, как науки естественные. «Позитивисты и утилитаристы, – отмечает Айер – полагали (и это определило прогрессивный интеллектуальный настрой первой половины XIX века), что наука о природе, основателем которой является Ньютон, должна быть увенчана наукой о человеке» (Ayer, 1964: 2).

Айер рассматривает эту проблему не как вопрос простого дополнения физики биологией: наука, предполагает он, должна была охватить каждую грань человеческой природы, как функционирование организма, так и работу ума, а также социальное и индивидуальное поведение людей. Вообще право, традиции, мораль, религию, политические институты, экономические процессы, язык, искусство – любые формы человеческой деятельности и способ общественной организации подлежали, по словам Айера, объяснению языком науки и не только объяснению – преобразованию. Для О. Конта и Дж. Бенета, отмечал он, не в меньшей степени, чем для марксистов, смысл познания общества заключался в его изменении; должен был существовать некий рациональный способ упорядочения дел человеческих, и требовалось

лишь применить научный метод, чтобы этот способ обнаружить и привести в действие.

Сказать, что эти надежды не были претворены в жизнь – не значит недооценивать достижения общественных наук, отмечает Айер. Огюст Конт умер в 1852 г., через год после открытия Всемирной выставки, продемонстрировавшей веру в силу науки, которая действительно была оправдана – в последовавшее столетие наука добилась поразительных успехов. Но это были успехи физических и (несколько в меньшей, но всё же в довольно значительной степени) биологических наук, в то время как общественные науки от них отставали. Хотя следует признать, что они вступили в этот период, будучи в гораздо менее выгодной позиции, и несправедливо утверждать, что они совсем не добились успехов. Однако нелегко оценить, насколько эти успехи значительны. Была построена большая экономическая теория, но сделанные из неё выводы расходились с действительностью. Появление психоанализа, рассуждает далее Айер, особенно в его фрейдистском варианте, имело важные последствия, как для общественных наук, так и для литературы. Он преобразил наше понимание природы человека, однако утверждение, что психоаналитические теории не поддаются верификации, не было успешно опровергнуто до настоящего времени, и, следовательно, их научная ценность остаётся под вопросом. В антропологии в качестве ответной реакции на слишком поспешное принятие далеко идущих теорий возникло пуританское недоверие ко всяким обобщениям. В целом, общественные науки насчитывают небольшое число общепризнанных и верифицированных теорий. Ученый-обществовед может с грустью смотреть на сад естественных наук как на интеллектуальный рай, из которого он изгнан.

Но почему так происходит? Потому что факторы, управляющие поведением человека, настолько сложны, что не поддаются изучению? Или потому что по моральным и практическим соображениям вид и число экспериментов, которые могут проводиться на людях, сильно ограничены? Или использовались не те методы? Или неверно были поставлены вопросы? Может быть, общественные науки просто ждут своего Галилея или Ньютона? Или существует какая-то принципиально более важная причина, почему они не могут достичь такого же успеха, как естественные науки? Это первый аспект, который рассматривает Айер.

Как бы ни отличались друг от друга разные специальные науки, у них есть, по крайней мере, одна общая черта – они располагают набором действующих обобщений, пусть даже временно принятых. Эти обобщения могут быть более или менее абстрактными; они могут иметь форму причинных связей или статистических вероятностей; они могут или не могут

быть организованы в дедуктивную систему; могут представлять ценность как они сами, так и отдельные выводы, которые из них следуют – в данном случае Айер подчёркивает лишь то, что они должны существовать.

Характерной чертой общественных наук в наше время, по мнению Айера, является то, что их набор обобщений относительно невелик. Обобщениям, на которые они претендуют, по большей части не хватает точности и широты охвата, в некоторых областях они вообще недостаточно верифицированы. Иногда это воспринимается как признак того, что общественные науки ещё находятся в стадии становления, в стадии накопления данных. Но может быть, имеется другое объяснение? Может быть, материал, с которым имеют дело эти науки – сама природа человека – таков, что невозможно делать какие-либо обобщения, сравнимые с существующими в естественных науках? Если так, то это логически объясняет, почему до сих пор человек с таким трудом поддается любому исследованию, кроме число биологического.

Мысль о том, что человек как-то выделяется из сферы природы, привлекает многих своей эмоциональной окрашенностью, поэтому ее следует принимать с некоторой осторожностью, считает Айер. Однако даже среди философов эта идея сейчас широко распространена – и это не случайно. Одной из причин, конечно, является вера в свободу воли. При этом утверждается, что поскольку люди вольны действовать по своему усмотрению, они всегда способны свести на нет любые обобщения, сделанные относительно их поведения.

Недостаток этого довода, по мнению Айера, заключается в том, что он просто предполагает ложность того положения, которое он призван опровергнуть. Если свободу воли толковать таким образом, что человек считается действовавшим свободно, только если его поступок не поддается никакому причинному объяснению, тогда действительно, если люди когда-либо вообще действуют свободно, их поведение не полностью подчиняется причинному закону. Однако это допускает, что оно может описываться статистическими закономерностями, но при молчаливом предположении сторонников этой точки зрения, что человек свободен в любом конкретном случае предпринять то, что считает нужным. При этом исключается возможность, что существуют статистические закономерности относительно человеческого поведения, которые имели бы какую-нибудь научную ценность.

Айер задается вопросом, каковы основания для этих весьма сильных предположений? На каком основании мы считаем, что люди вообще когда-либо действуют свободно в этом смысле? На первый взгляд, можно утверждать, что люди способны действовать свободно в том или ином

смысле, но из этого совершенно не следует, что действие, отвечающее такому испытанию на свободу воли, не может подчиняться также какому-либо причинному закону. Многие философы, по мнению Айера, считают, что если действие совершено свободно в нашем обычном понимании, это не значит, что оно не может быть причинно детерминировано; некоторые идут ещё дальше и утверждают, что, говоря о свободно совершённом действии, мы на самом деле предполагаем, что оно детерминировано. Те же, кто придерживается мнения, что детерминизм исключает свободу воли в её обычном понимании, именно по этой причине пришли к выводу, что наше обыденное понимание свободы воли не имеет приложения.

Если добросовестно попытаться выяснить, что именно люди обычно имеют в виду, когда говорят о свободе воли, может оказаться, что одни имеют в виду одно, другие – другое, а многие вообще не имеют об этом четкого представления. Вопрос заключается в том, полностью ли подчиняется закону человеческое поведение или нет. Если на этот вопрос можно ответить положительно, или хотя бы прийти к выводу, что нет веских оснований ответить на него отрицательно, тогда может оказаться, что целесообразно ввести ощущение свободы действия, которое соотнобразовывается с этими выводами. Мы, вероятно, захотим, чтобы оно было приложимо, насколько это возможно, к таким же действиям, как и те, которые многие рассматривали бы как свободные, хотя не обязательно с теми же импликациями, но мы скорее будем корректировать обычное употребление, а не просто ему следовать.

Если же мы придем к выводу, что поведение человека не полностью подчиняется закону, тогда мы должны будем решить, каково условие свободы действия, если оно вообще есть; например, если мы считаем, что необходимым условием свободы действия является отсутствие причинной детерминации, нам придется рассмотреть, возможно ли в этом случае сохранить связь между свободой и ответственностью. Но прежде чем ответить на эти вопросы, нужно сначала решить проблему детерминизма. Насколько и в каком смысле поведение человека подчиняется законам?

Может показаться, рассуждает Айер, что это не тот вопрос, который можно было бы надеяться решить априори. Разумеется, невозможно доказать, что некий поступок человека не имеет объяснения, самое большее, можно утверждать, что ему не смогли найти ему объяснение, но это не значит, что такого объяснения не существует или что его вообще нельзя обнаружить. Однако хотя это замечание вполне обосновано, оно несущественно, ибо желающие установить пределы подчинения поведения человека законам, чаще всего утверждают не то, что это поведение необъяснимо, а скорее, что способы объяснения, которые оно требует, не

вписываются в научную модель, т.е. не объясняют поведение как результат действия какого-либо закона природы. Признётся, правда, что объяснения иногда носят научный характер, как, например, когда мы объясняем отклоняющееся поведение нарушением функций организма, но такие случаи скорее исключение, чем правило. Обычно мы объясняем поступок человека его намерениями, мотивами, убеждениями или социальным контекстом, в котором этот поступок совершается. Например, если разные люди при разных обстоятельствах выпивают стакан вина, это может быть актом неумеренного возлияния, проявлением вежливости, свидетельством алкоголизма, выражением лояльности, жестом отчаяния, попыткой самоубийства и т. п. Эти объяснения воспринимаются как достаточные – обстоятельства делают выполнение действия доступными для понимания потому, что нам назвали его причину: оно объясняется в терминах цели исполнителя или ссылкой на социальную норму, или тем и другим вместе.

Прежде чем сделать какие-либо выводы о том, в какой степени поведение человека ускользает от попыток научного объяснения, необходимо рассмотреть ряд довольно трудных вопросов, а именно: как действуют объяснения в терминах цели и насколько они в состоянии что-либо объяснить? В частности, каково их основное отличие от объяснений в терминах причинных законов? Какое понимание действия мы получаем, если можем вписать его в социальный контекст или рассматривать его как соответствующее социальной норме? В каком смысле это будет объяснение именно данного действия? И, наконец, даже если по какой-то причине можно сказать, что объяснения этого типа не научны или не полностью научны, следует ли отсюда, что действия, которые они объясняют, нельзя также объяснить в соответствии с научной моделью? Если предположить, что мы здесь речь идет о двух или более радикально отличающихся видах объяснений, следует ли делать вывод, что они исключают друг друга?

Айер начинает с такого типа объяснения, при котором действие объясняется в терминах цели действующего лица (агента). В стандартном примере этого типа агент преследует какую-то цель и полагает, что между выполнением действия и достижением этой цели существует некая причинная связь; ему не обязательно считать выполнение действия необходимым условием достижения цели, поскольку он может предположить, что данную цель можно достичь другими средствами; ему также не обязательно считать, что это единственное достаточное условие, но он должен рассматривать это действие хотя бы как часть достаточного условия. В таком случае обычно говорят, что данное действие является средством достижения поставленной цели, а, цель или, точнее, желание достичь эту цель является, соответственно, мотивом действия. При этом

несущественно, является ли мотив осознанным, ведь иногда поведение объясняется в терминах цели, которую он сам не осознает; либо отбрасывается то, что человек сам считает мотивом, ради неосознаваемого мотива, которым он руководствуется. Однако в данном случае речь идет о неосознанном мотиве, смоделированном по тем ситуациям, в которых мотив осознан. Причиной, по которой представляется, что человек преследует не осознаваемую им цель, является тот факт, что его поведение в данных обстоятельствах не только указывает на желание достичь данную цель, но и напоминает поведение, которое можно ожидать от преследующего эту цель человека.

Также не обязательно, подчеркивает Айер, чтобы вера действующего лица в эффективность предпринимаемых шагов была ясно выражена, т.е. ему нет необходимости формулировать утверждение, что тот или иной образ действий приведет к поставленной цели, достаточно, что он действует так, как будто он принимает истинность этого утверждения. Такое утверждение может быть ложным в том смысле, что средства, которые считаются достаточными для достижения цели в данных обстоятельствах, в действительности таковыми не являются; может также случиться, что человек неверно оценивает обстоятельства. Он может принять образ действия, достаточный для достижения цели, если бы обстоятельства были такими, какими он их считает, но который недостаточен в действительности – эта причина неудачи встречается чаще, чем первая, хотя неудачи бывают реже, чем успех.

В случае, который Айер характеризует как стандартный, действие человека направлено на достижение какой-то специфической цели в данной конкретной ситуации. В этой ситуации человек может предпринять действие, которое он не считает единственно верным, но число таких действий наверняка будет весьма невелико. Однако существуют случаи, в которых установление мотивов охватывает довольно широкий спектр поведения, обычно так происходит, когда цель не очень специфична. Айер имеет в виду тип действий, предпринимаемых на основании, так сказать, постоянных мотивов, таких как, например, честолюбие, корыстолюбие или любознательность. Такая цель, как достижение известности, могущества, приобретение богатства или знаний и т.п., является неспецифической в том смысле, что она может принимать различные конкретные формы, и соответственно варьируются средства для её достижения. Сам человек может вовсе не представлять чётко, какую форму примет достижение цели, а также не иметь обдуманного плана действий. Иметь мотив означает, скорее, быть склонным к использованию любой возможности, которая представится в той или иной форме, для достижения цели. В тех случаях, когда мотивом

является тяга к знаниям и т.п., это может быть равносильно поиску возможностей для занятия определенным видом деятельности. Однако следует помнить, что там, где деятельность, предпринимается ради деятельности, её описание в терминах мотивов или целей представляется неуместным. Возможно, не будет неправильно сказать, что мотивом для чтения романов, или игры в бридж, или посещения кинотеатра является удовольствие от этих действий, но если спросить, почему тот или иной человек это делает, он может ответить, что у него вообще нет никакого мотива.

Один из английских исследователей, на которых ссылается Айер, не только допускает, что сознательное поведение может быть ничем не мотивировано, но и считает также, что неправильно говорить о мотивах даже во всех тех случаях, когда человек предпринимает шаги к достижению более отдалённой цели. При этом он предлагает исключить случаи, в которых наши действия являются привычными или вписываются в некоторую общепринятую модель. Иногда слово «мотив» употребляется в контексте, где поведение оценивается, а не только объясняется, когда имеется отступление от привычных ожиданий, и таким образом это слово относится к целенаправленным действиям, в какой-то степени не вписывающимся в привычные рамки, и особенно к тем, в которых мы склонны вынести неблагоприятную моральную оценку.

Действительно, рассуждает далее Айер, в обычном употреблении есть некоторое основание для такого ограничения в том смысле, что мы, как правило, не интересуемся мотивами, до тех пор пока чьё-либо поведение нас не вызывает в нас удивление, и мы полагаем, что они способны дать объяснение. Так, может показаться странным, если бы кто-то спросил, почему человек надевает пальто, выходя зимой на улицу, и можно обидеть человека, если спросить, каков был его мотив, когда он пригласил друга на обед. Но такие вопросы кажутся странными или оскорбительными не потому, что привычные действия немотивированны или что мотивы являются компрометирующими, а лишь потому, что мы не даём себе труда задавать вопросы, ответы на которые уже знаем. Желание находится в тепле или доставить другу удовольствие, или побыть в его обществе – это такие же мотивы для действия, как более необычное желание простудиться (например, чтобы уклониться от выполнения неприятной обязанности), или вывести у друга какую-то информацию, или занять у него деньги. Нет никаких оснований исключать их только потому, что они невинны или банальны; в качестве побудительных причин они не отличаются по своему действию от мотивов, которые скрыты в силу своей предосудительности.

Однако Айер согласен с тем, что для того, чтобы действие было мотивировано, необходимо, по крайней мере, чтобы оно было направлено на какую-то цель. По мнению Айера, не следует концентрироваться исключительно на действиях, выполняющихся под влиянием постоянных мотивов, где цели относительно неспецифичны. Некоторые исследователи уподобляют действия, совершенные под влиянием постоянных мотивов (например, честолюбия), действиям вроде регулярной игры в шахматы, которые вообще не имеют отдалённой цели, и в конце концов приходят к выводу, что мотивы можно полностью проанализировать в терминах склонностей, т.е. что действовать на основании того или иного мотива означает не что иное, как быть склонным к тому или иному типу поведения. Соответственно, объяснение мотивов интерпретируется как вопрос о простом отнесении частного случая к общему, например, когда мы говорим, что стекло разбилось, потому что оно хрупкое, или что человек опоздал в каком-то частном случае, потому что он вообще непунктуален. Это, считает Айера, вызывает сомнение, даже когда речь идет об объяснениях постоянного мотива, и совершенно неправомерно применять такое толкование к действиям, которые объясняются стремлением агента в конкретном случае к достижению специфической цели. Действительно, одной из причин, почему Айер придает центральное значение действиям, которые совершаются по мотивам, возникающим время от времени, является то, что элемент направленности выступает в них более чётко.

Айер утверждал, что антитеза между требованиями свободной воли и детерминизмом иллюзорна, но поскольку люди действительно так считают, Айер полагает, что вероятно он ошибался. Это вопрос для социального исследования, которое, скорее всего, не даст чёткого ответа. Однако оно может показать, что если люди осознают возможность объяснить действие человека в терминах причинности, многие станут придерживаться взгляда, что человек за такое действие не ответственен. Поскольку не совсем ясно, почему чья-либо ответственность за поступок должна зависеть от невозможности его причинно объяснить, это может только доказать, что в большинстве своём люди иррациональны. Айер склонен думать, что наши обыденные представления о свободе и ответственности весьма запутаны, однако социальные последствия отказа от них нелегко было бы оценить.

Список литературы:

Айер, А. В защиту эмпиризма // Эпистемология & Философия науки: Научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам. М.: Канон+, 2004. – № 1. – Т. I.

Айер, А. Я мыслю, следовательно я существую / перевод и примечания Т. А. Дмитриева // Логос. – 1996. – № 8. – С. 44-51.

Гуревич, П. С. (2009) Философская антропология. М.

Ayer, A. J. (1964) Man as a Subject for Science. Univ. of London. The Athlone Press.